

— Открой дверь. Я принес тебе поесть.

— Теперь ты готов меня выслушать?

Сердце Цзы Юя бешено заколотилось, в голове возникла пустота. Он неуклюже отступил на шаг и беспорядочно кивнул.

Сюй Нин вошел в комнату и, обернувшись, тихо прикрыл за собой дверь. Щелчок замка отрезал их от остального мира, погружая в густую темноту. Осталось лишь дыхание друг друга, звучащее совсем близко.

Цзы Юй замер на месте, не зная, куда деть руки. В темноте присутствие Сюй Нина ощущалось еще острее. От него исходил прохладный, свежий холод, смешанный с теплым ароматом еды, властно захватывая чувства Цзы Юя. Он отчетливо ощущал на себе взгляд Сюй Нина — тяжелый, давящий на самое сердце.

— Свет... — голос Цзы Юя прозвучал сухо и хрипло.

— Свет не нужен, — голос Сюй Нина был низким и четким. — Садись на диван.

Командный тон парадоксальным образом помог Цзы Юю обрести опору. Он на ощупь добрался до угла дивана, свернулся калачиком и плотно закутался в одеяло. Он услышал, как Сюй Нин подошел ближе, как звякнул пакет с едой, поставленный на журнальный столик, а затем послышался шорох упаковки. В воздухе разлился легкий рисовый аромат теплой каши.

Вдруг перед ним возникла рука, от которой веяло едва уловимым прохладным теплом, и точно протянула теплую бумажную чашку.

— Держи. Она теплая, — голос Сюй Нина раздался совсем рядом.

Цзы Юй дрожащими руками потянулся вперед. Его заледеневшие пальцы коснулись теплого края чашки, он вздрогнул и лишь после этого осторожно взял ее.

Тепло разлилось по ладоням, снимая скованность. Он обхватил чашку, над которой поднимался легкий пар.

Сюй Нин, по-видимому, сел на соседнее кресло. В темноте их разделял меньше чем метр. Аромат каши, солоноватый привкус слез, запах страха и спокойная аура Сюй Нина переплелись воедино. В тишине рождалось незримое напряжение.

— Видел официальное заявление? — Сюй Нин сразу перешел к сути.

Пальцы Цзы Юя, сжимавшие чашку, побелели. Глядя в темноту на струящийся над чашкой пар, он проговорил с сильным носовым оттенком и сдерживаемыми рыданиями:

— Да... видел...

Он помолчал, захлебываясь обидой и благодарностью:

— Спасибо тебе... брат Сюй Нин... правда... спасибо тебе...

— За что спасибо? — голос Сюй Нина оставался спокойным. — Восстановить истину и привлечь виновных к ответу — это элементарно.

Его хладнокровие заставило Цзы Юя почувствовать еще большее тепло, но вместе с тем и острую горечь. Он шмыгнул носом:

— Но... если бы не ты... я бы...

— Никаких если, — отрезал Сюй Нин. — Дело улажено. Мусор не стоит того, чтобы тратить на него эмоции.

Он сделал паузу, его голос стал тише и весомее:

— Я показал тебе заявление не для того, чтобы услышать спасибо. Я хотел, чтобы ты знал: в ту ночь я всё помню. Тот объятие... — голос Сюй Нина стал низким и отчетливым, — это было не то, что они показали на снимках. Я знаю, что это значило.

Сердце Цзы Юя пропустило удар! Он резко поднял голову, словно в темноте мог ощутить обжигающий взгляд Сюй Нина. Руки, державшие чашку, затряслись. Брат Сюй Нин... он помнит... он знает, чем было то объятие?

Поток чувств, в котором смешались стыд, напряжение и тайная надежда, захлестнул Цзы Юя. Щеки вспыхнули, и он в панике опустил голову.

— Я... я не знаю... — пробормотал он бессвязно.

— Знаешь, — голос Сюй Нина пронзил темноту. — Что ты хотел сказать мне под дождем? И что ты не успел договорить в той ложе?

Гул! В голове Цзы Юя стало пусто! Он действительно всё знает! Помнит каждое его недосказанное слово! Огромное психологическое давление навалилось на грудь, как тяжелый камень. Признаться? Или промолчать? После пережитой бури, под прямым допросом Сюй

Нина, этот вопрос стал еще острее и тяжелее.

Все эти долги, ловушки, расставленные бывшим агентством, позорные секреты, которые он нес в одиночку... Он боялся, что если откроется, доверие в глазах Сюй Нина сменится презрением.

В темноте Сюй Нин, казалось, тихо вздохнул, и в этом вздохе слышались тяжелая безнадежность и снисхождение. Затем диван рядом слегка просел. Сюй Нин пересел ближе.

Дистанция сократилась мгновенно. Цзы Юй ощущал тепло, исходящее от тела собеседника, смешанное с холодным древесным ароматом, властно вторгавшимся в его личное пространство. Тело Цзы Юя натянулось, как тетива, сердце забилося в бешеном ритме.

Рука, от которой веяло знакомым теплом, осторожно, словно пробуя почву, легла на его сжатые, дрожащие руки, держащие чашку.

Цзы Юй вздрогнул, будто его ударило током, и инстинктивно попытался отдернуть руки, но теплая, властная ладонь Сюй Нина твердо и нежно накрыла их.

Ладонь Сюй Нина была широкой, сухой и теплой, в ней чувствовалась зрелая мужская сила и уверенность. Он не сжимал его руки, а просто уверенно лежал сверху, передавая бесконечное тепло и безмолвную поддержку. Это тепло проникало сквозь кожу, пробивая ледяные барьеры страха в душе Цзы Юя.

Другая рука Сюй Нина тоже медленно поднялась и, не касаясь тела, лишь крайне бережно и успокаивающе легла на спину Цзы Юя, которая была слегка ссутулена от напряжения.

Эта ладонь, отделенная лишь тонким слоем одеяла и шерстяного свитера, дарила ощущение стабильности, словно поддерживая его шаткое, изможденное тело.

— Не бойся, — голос Сюй Нина звучал совсем рядом, низкий, как шепот, с невероятной, почти нежной бархатистостью, отчетливо отзываясь в ушах Цзы Юя. — Цзы Юй, посмотри на меня.

Это «не бойся» обладало силой, проникающей в самую глубину души.

Цзы Юй, словно околдованный, в темноте медленно и с огромным трудом поднял голову, направляя взгляд туда, где, как он чувствовал, находился Сюй Нин. Хотя он почти ничего не видел, он ощущал, как взгляд Сюй Нина пристально и горячо устремлен на его лицо.

Рука, лежавшая на его ладонях, чуть сжалась, обволакивая его холодные пальцы вместе с теплой чашкой. Рука на спине тоже слегка надавила, неся безмолвное обещание: я здесь, я поддерживаю тебя.

— То, что ты хочешь сказать, но боишься, — голос Сюй Нина струился в темноте, спокойный и ясный, — это камень, лежащий у тебя на сердце, верно? Из-за него ты не мог договорить в ложе, из-за него ты набрался храбрости под дождем, но я тебя прервал, и теперь он стал оковами, которые мешают тебе смотреть мне в глаза.

Дыхание Цзы Юя участилось. Брат Сюй Нин... он видит насквозь всю его борьбу!

— Посмотри на меня, — в голосе Сюй Нина звучала странная магия. — Скажи мне, что это за камень?

В темноте двойное прикосновение Сюй Нина передавало успокаивающий поток сил. Его сосредоточенный взгляд, даже невидимый, казалось, был пропитан жаром, пронзающим тьму до самой глубины души Цзы Юя. Низкий голос с властной, но манящей нежностью стал ключом, приставленным к замочной скважине его сердца.

Казалось, все пути к отступлению были отрезаны этим шепотом.

Тело Цзы Юя затряслось от мощного эмоционального удара, слезы вновь хлынули из глаз, обжигая холодные щеки и падая на руку Сюй Нина. Он открыл рот, в горле словно застрял раскаленный песок, и из него вырвались лишь разбитые звуки.

Рука, которую так тепло обнимал Сюй Нин, вдруг изо всех сил вцепилась в его пальцы, словно это была единственная надежда на спасение перед тем, как пойти ко дну. В то же время он всем телом подался назад, ища опоры в ладони, лежавшей на спине.

Страх столкнулся с отчаянной храбростью. Он закрыл глаза, и, обливаясь горячими слезами, выплеснул, наконец, из себя этот тяжкий, как гора, секрет, задыхаясь от рыданий:

— Я... я задолжал много денег... очень много... долги, которые мне никогда не выплатить...

— Это... это старая компания... они расставили ловушку... я был таким глупым... подписал то, чего не должен был...

— Я боялся, что семья узнает... я боюсь... боюсь втянуть их... боюсь, что они будут волноваться... и боюсь... боюсь, что эти люди найдут их...

— Мне... мне так тяжело... брат Сюй Нин... я правда... я так устал нести это в одиночку...

Разбитые фразы, полные боли, унижения и глубокой тревоги, сопровождаемые подавленным плачем, наконец пробили последнюю защиту.

Он был как узник, сбросивший тяжелые кандалы, и в то же время как грешник, ожидающий

приговора. Он крепко сжимал пальцы Сюй Нина, его тело сотрясали рыдания, а спина плотно прижималась к поддерживающей ладони, ожидая реакции.

В темноте рука Сюй Нина на его ладонях слегка сжалась, передавая безмолвную силу. Ладонь на спине уверенно поддерживала его дрожащее тело. Сюй Нин молчал, но в этом молчании чувствовалась тяжелая, готовая ко всему поддержка — словно гавань, давно распахнувшая свои объятия, чтобы принять всю его боль и слабость.

Сюй Нин подался вперед, приближаясь к дрожащему от рыданий Цзы Юю. Он не стал сразу обнимать его, лишь осторожно и успокаивающе прислонился лбом к опущенному, влажному от пота лбу Цзы Юя.

Этот жест нес в себе близость и утешение, которые были сильнее любых слов. Тепло, передававшееся через кожу, безмолвно возвещало: я здесь, я всё понимаю, я принял всю твою хрупкость.

<http://bllate.org/book/19183/1883264>